

Галина Одинцова
РЕЛИКВИИ СТАРОГО СУНДУКА

Галина Одинцова

Реликвии старого сундука

«Автор»

2026

Одинцова Г.

Реликвии старого сундука / Г. Одинцова — «Автор», 2026

Что, если старые фотографии и предметы вдруг оживут? Героям фантастической повести "Реликвии старого сундука" предстоит прочесть неподдельные истории о первой любви, изнурительном пути на Дальний Восток, борьбе за новое будущее и горьких утратах. Герои и представить не могли, что у их далёких родственников была такая яркая и полная испытаний судьба! Теперь история семьи не просто строчки в родословной, а живая, дышащая реальность. Автор идеи и промтов: Галина Одинцова. Генерация изображения: Yandex ART (Алиса AI).

© Одинцова Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Бабушка Лидия Михайловна	6
Глава 2. Потайная дверь	8
Глава 3. Незваные гости	9
Глава 4. Фотография	11
Глава 5. Сундук	14
Глава 6. Кисет	16
Глава 7. Поместье	18
Глава 8. Пан Богдан	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Реликвии старого сундука

Глава

Все права повести защищены. Даже часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами — будь то электронные площадки или пространства интернета — без письменного разрешения правообладателя. Данное произведение является художественным вымыслом. Все персонажи, имена, места и события созданы автором и не имеют прямого отношения к реальным лицам или фактам. Любые сходства с действительностью являются непреднамеренными и случайными. Книга публикуется в авторской орфографии и пунктуации

Глава 1. Бабушка Лидия Михайловна

В затерявшейся среди сосен и озёр деревеньке Алексеевке, жила когда-то большая семья, приехавшая сюда в начале двадцатого века с западных краёв России.

Две улицы в деревне были прямыми и широкими, а деревья вдоль дорог уже стали древними и раскидистыми. В одном из домов под старой раскидистой черёмухой жила Лидия Михайловна. В это время черёмуха буйно цвела. Словно седовласый мудрец, она оберегала дом и его хозяйку от жары, раскачивая душистыми гроздьями цветов.

Лидии Михайловне 92 года, но она шустрая старушка. Седые волосы всегда аккуратно собраны в пучок, обрамляя лицо, хранящее отпечатки прожитых лет. Старый дом, доставшийся от родителей, с бревенчатыми стенами, покатой крышей и окнами, украшенными резными наличниками, помнил её детство. Наличники давно выпцвели и потрескались, а ставни почти не открывались. Казалось, что если их открыть, они тут же превратятся в прах.

Когда-то дом наполнялся звонким смехом, голосами и ежедневными хлопотами. В нём всегда кто-то гостил. Тогда, когда Лидия Михайловна была маленькой девочкой, и тогда, когда здесь появились сначала её дети, а потом внуки. А теперь уже есть и правнуки. Но они приезжают очень и очень редко.

Теперь в доме царила тишина, лишь тиканье старинных часов с кукушкой, которые наверняка старше Лидии Михайловны, да скрип половиц под осторожными шагами нарушали её покой.

Кукушка куковала редко, голос её стал хриплым и почти неслышным. А вот половицы скрипели всё громче, как будто были недовольны старостью и трухлявостью в некоторых местах. Например, у кладовки, на дверце которой висел бронзовый замок 1885 года изготовления. Замок давно не чистили, но цифры и некоторые буквы разобрать ещё было можно. К нему был привязан ювелирный ключик с вензелями и завитками. Замок висел так, для виду, потому что его давно никто не закрывал и не открывал. Тем более эту покосившуюся дверку, за которой кроме старого хлама ничего не было.

Лидия Михайловна привыкла к уединению, но не смирилась с ним. Каждый день, ровно в шесть утра, она вставала, чтобы затопить печь. Заварив крепкий чай с мятой, она садилась у кухонного окна, её взгляд устремлялся на улицу, по которой давно почти никто не ходил, тем более не ездил. Во взгляде тлел тихий огонёк надежды: а вдруг сегодня кто-то постучится в дверь? Сын? Дочь? Внуки или правнуки?

Дети навещали её редко, занятые своей суетливой жизнью, внуками и заботами. Они тоже были стариками, и за ними уже нужен уход. Лидия Михайловна всё понимала. От внуков приходили лишь открытки к праздникам да короткие, лаконичные сообщения в мессенджере: «Бабушка, с днём рождения! Мы тебя любим!» И всё.

Зато дом дышал прошлым. На стенах висели потемневшие от времени фотографии, в шкафу хранились стопки писем, книги с закладками на любимых, многократно перечитанных страницах. Стопки старых пожелтевших газет и журналов. А в сундуке было много разных вещей, о которых даже сама Лидия Михайловна давно забыла.

Однажды утром она заметила прогнившую доску на крыльце. Вздыхнув, взяла молоток и гвозди — пришлось чинить самой. У неё это получилось плохо. Гвозди вместе с баночкой провалились в щель, достать их уже было невозможно.

Лидия Михайловна осталась сидеть на крыльце, чувствуя, как в груди разливается неведомая доселе боль.

Когда боль утихла, она спустилась с крыльца, вышла за ворота и села на скамеечку, такую же старую, как и она. Скамейка давно выросла в землю, но была ещё крепкой и удобной. На соседней улице, ближе к сосняку, городские приезжие строили коттеджи. Они не берегли веко-

вые деревья, беспощадно спиливали их. Лидии Михайловне казалось, что она слышит, как стонут от боли сосны, как плачут, падая на землю. Но приезжие строители не могли этого слышать. Потому что там стоял шум и гам. Разве можно в таком шуме услышать, как рыдают деревья?

Шло время. Давно отцвела черёмуха за окном, осыпались спелые ягоды, похожие на бусины, начали желтеть листья. Жаркое лето уступало дорогу дождливой осени.

Поговаривали, что скоро строители придут и на её улицу. Эти новости не радовали стариков, которые жили в нескольких домах. Остальные дома давно были пусты.

Глава 2. Потайная дверь

— Всё, хватит прозябать, — однажды сказала себе Лидия Михайловна, и в этом утверждении слышалась стальная решимость. Взгляд её устремился к окну, где старая черёмуха, словно седовласый мудрец, раскачивала ветками с пожелтевшими листьями, кивая в знак тихого одобрения.

Ещё минута — и вот Лидия Мийловна у старого халата, который вечно висел здесь, как обветренный парус, на крючке у двери в кладовку. Выцветшие цветочки на ткани, казалось, шептали истории бесчисленных домашних дел. Халат был готов принять на себя пыль, не роняя достоинства. Он понимал, что его хозяйка затеяла грязное дело.

Вооружившись фонарём — реликвией, ещё отцовской, с потускневшим от десятилетий корпусом — Лидия Михайловна открыла дверь, прошла вглубь кладовки, сняла со стены старое одеяло и открыла ещё одну ветхую потайную дверку. За ней начинался спуск в полуподвал.

Ступени, словно старые кости, жалобно скрипели под каждым шагом. Воздух был холоден и влажен, пропитан еле уловимым запахом старости и тишины. Подвал встретил её глубокой темнотой, в которой луч фонаря высекал из тьмы призрачные очертания коробок, сундуков и ящиков — свидетелей десятилетий.

Лидия Михайловна провела рукой по пыльной крышке ближайшей коробки, оставив на ней заметный след, словно печать, и улыбнулась. Понимала — предстояло погружение в бездну прошлого. Она открыла первую коробку. В ней лежали связанные в плотные стопки тетради, блокноты, открытки.

Во второй — хранились тончайшие кружевные салфетки, свадебные кружева из шёлковых нитей, накидки на подушки, занавески. Это всё было сделано руками мамы и бабушки ещё в начале прошлого века. Некоторые кружева пожелтели, но не утратили нежности.

Лидия Михайловна вспомнила, как мама после трудного дня сидела по ночам у мерцающей свечи и вязала тончайшее кружево крючком или вышивала дорожки, наволочки, картины. Вышивки хранились в коробке рядом. На узкой полке стояли шкатулки: серебряные и деревянные, искусно расписанные. Когда-то в них хранились украшения и секреты. А теперь они пылились в тёмном подвале.

Лидия Михайловна поставила фонарь, направив столб света на деревянный сундучок с письмами, фотографиями и другими реликвиями, присела рядом. Руки её чуть дрожали, когда она подняла крышку. Внутри лежали фотографии в пожелтевших конвертах, словно послания из прошлого.

На одной из них — юная барышня, кажется, её бабушка, в белом платье до пят. На другой — бравый юнкер в фуражке набекрень. Его лицо украшали тонкие, чуть заметные усы. Она отложила фотографию, испустила глубокий вздох и потянулась к следующей. В воздухе, словно золотые мотыльки, кружились пылинки, ловя луч фонаря, а где-то наверху, в тишине дома, часы отсчитывали минуты...

И вдруг Лидия Михайловна услышала голоса. Кто-то наверху звал её.

Глава 3. Незванные гости

Лидия Михайловна судорожно прижала к груди мамину серебряную шкатулку — её она не успела открыть, но ей казалось, что именно в ней таилась ниточка к прошлому. Дрожащими руками схватила фонарь, и сердце бешено застучало: в доме кто-то был. Кто-то чужой, тот, кто не имел права переступить порог её родного дома.

Она поднялась по скрипучим ступенькам, закрыла потайную дверь и поправила старое одеяло, прикрывавшее вход в полуподвал. Зачем? Чтобы никто, ни один посторонний глаз не увидел тайного убежища, где хранились самые дорогие семейные реликвии — память о тех, кого уже нет, о временах, когда дом ещё был полон смеха и тепла.

Из кладовки вышла в прихожую, машинально сняла старенький халат, повесила на гвоздик — движения были механическими, будто тело действовало само, пока разум пытался осознать происходящее. И вот она зашла в комнату...

Посреди комнаты стояли незнакомые молодые люди — мужчина и женщина. Их уверенные позы, холодные взгляды резали, как нож.

— Здравствуйте, — выдавила из себя Лидия Михайловна, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Здравствуйте! Вы Слатвинская Лидия Михайловна?

— Да, это я, — тихо произнесла она, и внутри всё сжалось от дурного предчувствия. — Что-то случилось? Вы кто?

— Мы представители строительного треста. Осматриваем территории, где в скором времени раскинется элитный коттеджный посёлок.

— Какой же он элитный, девушка, если я слышу, как стонут сосны, которые вы уничтожаете, и строите на их месте безликие дома! — голос Лидии Михайловны зазвучал твёрже, в нём зазвучали горечь и боль за родные места.

— Кто стонет? Серёжа, ты слышал, чтобы деревья стонали? — женщина удивлённо подняла брови.

— Нет, Ада, я не слышал, — молодой человек усмехнулся и достал из папки бумаги. — Лидия Михайловна, вот постановление. Вы должны освободить дом к лету будущего года. Полгода вам на переезд. На этом месте будет построен новый дом.

— И куда же я должна уехать? — в голосе Лидии Михайловны прозвучала отчаянная мольба.

— У вас есть дети? Внуки? Они одну старушку не смогут приютить в городе?

— Не могут. Потому что я этого не хочу. Никуда я из своего родового дома не уеду. До свидания, молодые люди.

Она выпрямилась, стараясь выглядеть как можно более непреклонно, хотя внутри всё дрожало. Лидия Михайловна почувствовала, как кровь отхлынула от лица, в глазах потемнело, но она из последних сил взяла себя в руки. Гордость, память о предках, любовь к дому — всё это придало ей сил.

— Пожалуйста на выход, — произнесла твёрдо, почти чеканя слова.

— А вы почему так разговариваете? Бабушка, могли бы и чаем угостить. Ой, какая у вас в руках красивая шкатулка! Можно посмотреть? — женщина с любопытством протянула руку.

— Нельзя. Попрошу вас выйти, — Лидия Михайловна отступила на шаг и строго указала на дверь.

— Ладно, не приставай к бабушке, — усмехнулся Серёжа. — Пойдём в следующий дом. Может, там люди понятливее будут. Мы же всё-таки покупаем у них дома, не просто так выгоняем. А с деньгами их любые родственники приютят.

Молодые люди ушли, громко хлопнув дверью. Лидия Михайловна осталась одна. Она медленно прошла в кухню, дрожащими руками наkapала в мензурку сердечных капель и опустилась на стул. Взгляд её устремился в окно, за которым шумели вековые сосны — последние свидетели её жизни. В груди разливалась тяжёлая, щемящая грусть, а в душе — острая боль от осознания, что её мир, её дом, её память вот-вот могут быть безжалостно разрушены...

Глава 4. Фотография

Лидия Михайловна приоткрыла створки старинной шкатулки. Внутри, словно застывшие мгновения прошлого, покоились фотографии. На одной из них — крохотная девочка с любопытными глазами. На ней было белое кружевное платье и белые ленты, вплетённые в косички. Лидия Михайловна провела пальцем по изображению, как будто хотела почувствовать тепло.

— Сестра дедушки Тараса. Дашутка... — тихо прошептала она.

Изображение ожило. Лидия Михайловна, словно невидимая гостья, перенеслась в мир детства Тараса и Дашутки — в конец XIX века. На дворе стоял канун Нового года. Звуки поначалу были призрачными, едва уловимыми, подобно эху в ушах после глубокого сна. Но постепенно они обрели отчётливость: залиvistый детский смех, звон хрустальных бокалов, поскрипывание паркета под шагами.

Воздух загустел, словно насыщенный теплом, ароматом смолистой ели, воска от свечей и сладковатым духом печёного миндаля.

Лидочка стояла в укромном углу просторной, высокой комнаты, украшенной лепниной на потолке. Она была здесь, в теле ребёнка, но с сознанием взрослой женщины.

На ней было тяжёлое праздничное платье с кружевным воротничком, которое казалось жарким и немного сковывающим движения. В центре комнаты, где серебряные нити дождика и бумажные ангелы сплетались в причудливый узор, толпились дети. Их неугомонная игра в жмурки раскрасила лица румянцем, выдававшим волнение счастья.

Лидочка наблюдала, пытаясь уловить нить воспоминаний. Ей хотелось увидеть Тараса и его младшую сестру Дашутку. Она узнала эту комнату. Это был дом прабабушки Прасковьи, тот самый, что оживал лишь на страницах старых писем, хранившихся в кладовке, и в рассказах мамы, когда они тёмными вечерами при свечах вспоминали детство: прадедушку Василия, прабабушку Прасковью — строгую и непоколебимую в решениях и поступках.

Женщина в тёмно-зелёном бархатном платье, с высокой, замысловатой причёской, мягко, с едва заметным акцентом, раздавала детям конфеты из массивного серебряного блюда. Лидия вдруг осознала: перед ней Прасковья Ивановна, прапрабабушка. Она была не просто легендой, а живым воплощением прошлого, с доброй улыбкой и лёгкой усталостью в глазах.

Внезапно к Лидочке подбежал мальчик, ровесник, с непослушным вихром волос. Он схватил её за руку.

— Пойдём, смотри, что я нашёл в библиотеке! — воскликнул он, и его звонкий, ещё не тронутый грустью грядущих лет голос, эхом пронёсся по комнате.

Лидочка не сопротивлялась. Они выскользнули из шумной гостиной в тихий и сумрачный коридор. Стены украшали портреты в тяжёлых золочёных рамах. Мальчик, которого Лидочка не знала и, вероятно, никогда не встречала в своей реальной жизни, раскрыл перед ней старинную книгу с гравюрами диковинных птиц. Его пальцы, словно трепетные бабочки, бережно перелистывали пожелтевшие страницы.

— Я хочу увидеть их всех, когда вырасту, — произнёс он с непоколебимой уверенностью.

Лидочка хотела ответить, сказать ему нечто важное, но слова застыли в горле. Она лишь смотрела на огонь в его глазах, на чистую, незыблемую веру в будущее, которое для него сейчас стало прошлым, покрытым пеплом войн и бесследных исчезновений. Узнает ли она о нём когда-нибудь? Как его зовут? Кем он стал?

Из гостиной донеслись звуки танцевальной мелодии: играли на рояле, роялю вторила скрипка. Взметнувшись новой идеей, мальчик убежал обратно.

Лидочка осталась одна в дремотной полутьме коридора. Она подошла к одному из портретов. Мужчина с суровым лицом и аккуратно подстриженными усами. Его глаза, казалось, пронзали барьер времени, глядя прямо в неё. В них была не строгость, а глубокая, застывшая печаль.

Она вспомнила: мама рассказывала про него, это был тот дядя, кто писал стихи, впоследствии утерянные, тот, кто уехал однажды за любимой девушкой и не вернулся. Сумбурный гомон праздника стал для неё лишь фоном, далёким и теряющим значение.

Она ощущала каждую, самую незначительную деталь этого мира: шероховатость бархата на портюре, холод стекла в окне, за которым простирался снег, укрывающий другой, грядущий город. Это было не просто воссоздание, а настоящее погружение в ткань ушедшего дня, в его живые, трепетные нити.

Она существовала в моменте, сотканном из надежд, неосознанного счастья и простого восторга от миндального печенья и мерцающих огней ёлочных свечей.

Вдруг Лидочка почувствовала лёгкое прикосновение к плечу. Рядом стояла прабабушка Прасковья Ивановна, её лицо было близко, словно окутанное лёгкой дымкой.

— Ты здесь одна? Как тебя зовут, девочка?

Лидочка опустила голову и не ответила.

— Пойдём к другим детям, скоро будут дарить подарки, — сказала она, и её рука, тёплая и настоящая, коснулась Лидочки.

Лидочка последовала за ней, ощущая, как платье тихо шуршит по паркету. Она снова стала частью общего движения, потока детей, направляющихся к пышной ели. Но теперь она наблюдала не как чужестранка, а как участница, чьё сердце билось в унисон с этим забытым временем, впитывая каждую секунду, каждый взгляд, каждый аромат — до того момента, когда она вернётся и вновь станет просто Лидией Михайловной, смотрящей на ожившую фотографию.

Глава 5. Сундук

Утро следующего дня принесло Лидии Михайловне неожиданных гостей: правнуков Галю и Борю. Они долго обнимали прабабушку, делились гостинцами и без умолку щебетали о своих приключениях на осенних каникулах. Лидия Михайловна ласково кивала, слушая их болтовню.

А после обеда она поманила ребят в кладовку, а оттуда — в тайную комнату, вход в которую искусно скрывался за плотным одеялом. Вооружившись фонарём, Лидия Михайловна открыла дверь, прошла вглубь кладовки, сняла со стены старое одеяло и открыла потайную дверку. Там начинался спуск в полуподвал.

В полумраке, затерянный среди пыльных коробок и забытых игрушек, стоял сундук. Он казался невидимкой. Лидия Михайловна направила на него луч света.

— Ну, мои дорогие, раз уж вы приехали, сделайте доброе дело, — произнесла Лидия Михайловна, подводя их к старинному сундуку. — Принесите его в дом. Будем вместе разбирать содержимое и путешествовать в прошлое.

— Как это? — изумлённо переспросили ребята.

— Увидите. Все вещи, что хранятся в нём, волшебные. И они могут уносить нас в далёкое прошлое, к вашим предкам.

Втроём, пыхтя, кое-как перетащили тяжёлый сундук в комнату. Засучив рукава, принялись отмывать его, и вот, наконец, тот засиял всеми красками. Сундук, отмытый до блеска, словно родился заново. Теперь, в светлой комнате он словно излучал знание о своей особенностях. Это был сундук, созданный в конце позапрошлого века искусным германским мастером. Настоящий богатырь: широкий, крепкий, с массивными стенками из тёмного дуба. Дерево было настолько плотным и тяжёлым, что казалось, будто не просто прожило вечность, но и продолжит существовать ещё столько же.

Сверху — массивная откидная крышка на старинных, но надёжных металлических шарнирах. При её подъёме раздавался тихий, протяжный скрип — словно она вздыхала, пробуждаясь ото сна. По краям крышки и корпуса шли металлические полосы — они не только укрепляли дерево, но и служили изысканным украшением. На металле выгравированы тонкие завитки и листья плюща, будто серебряной кистью нарисованные.

Передняя стенка украшена виртуозной резьбой: ветви с крупными дубовыми листьями и желудями. Мастер вырезал их с такой тщательностью, что можно было разглядеть каждую прожилку. А чуть ниже расположился замок с секретом — не простой, а прехитрый: требовался особый поворот ключа и лёгкое нажатие на боковую пластину. Такие замки создавали для хранения самого дорогого: писем, фотографий, старинных монет, драгоценностей.

Кованые ручки по бокам, с изящными завитками, на ощупь были холодными и слегка шершавыми от времени. За них когда-то сундук переносили из комнаты в комнату, его провезли через всю страну и доставили сюда.

Открываешь крышку — и тебя окутывает аромат старого дерева и кожи. Внутри сундук обит тёмно-зелёным бархатом, некогда сиявшем изумрудной роскошью. Бархат чуть потёрт, но всё ещё мягок, словно шёпот ветра. Вдоль стенок тянутся небольшие отделения, разделённые деревянными перегородками — идеальное место для ниток с иглками, засушенных цветов или крошечных коробочек с пуговицами.

Галя и Боря замерли, очарованные этой красотой.

— Бабушка, а он чей? И как оказался у тебя?

— Боря, он остался у меня по наследству от моих прародителей. Может быть — от прабабушки Прасковьи Ивановны, а ей от её родителей. Прасковья Ивановна была дворянского происхождения из знатной семьи. Я не знаю, когда был сделан этот сундук и кто его приобрёл. Он приехал на Дальний Восток вместе с моими предками, когда они переселились из Житомира. Об этом я вам тоже расскажу.

— Бабушка, а давай посмотрим, что здесь лежит? — с восторгом произнесла Галя.

— Давайте каждый день будем доставать по одной вещице и отправляться в путешествие вместе с ней, — предложила Лидия Михайловна. — Каждая вещь расскажет нам, кому принадлежала и что видела на своём веку. Боря, ты первый!

Глава 6. Кисет

Боря протянул руку к старинному сундуку и извлёк из его глубин бархатный мешочек.

— Бабушка, что это такое? — с любопытством спросил он.

— Давай-ка посмотрим, Боренька, — ласково ответила Лидия Михайловна, беря из рук внука драгоценную находку.

Она бережно развернула мешочек, ладонью ощутила его податливую мягкость, и, погладив, произнесла:

— Это кисет. Когда-то он принадлежал моему дедушке Тарасу Васильевичу. Смотрите, какой он удивительно мягкий.

— А для чего он служил? — поинтересовалась Галя, очарованная старинной вещью.

— Это кисет подарок от невесты деда Тараса. В него, как в драгоценную шкатулку, была вложена частичка её души. В начале прошлого века такие подарки имели особую, глубокую ценность: девушка не просто шила и вышивала — она вкладывала в своё творение чувства, надежды, тихие молитвы о счастливой будущей жизни, прятала в кармашек записки, в которых признавалась в своих чувствах.

— Бабушка, а из чего он сделан, такой мягонький...

— Кисет сшит из нежного бархата, — пояснила Лидия Михайловна, — видите, он тёмно-синего цвета. По краям идёт изысканная кайма из золотистой тесьмы с тонким, едва заметным узором. Затягивается он тонким шёлковым шнурком, который завязан аккуратным бантиком — так, чтобы его было легко открыть, но чтобы драгоценное содержимое никуда не просыпа-

лось. Материал выбирали с особой тщательностью: бархат символизировал достаток и уважение к будущему мужу, а шёлковый шнурок — нежность и заботу.

— А кто его сшил? — не унималась Галя, её глаза горели желанием узнать все тайны этого предмета.

— Может быть, жена Тараса, моя бабушка Мария. Но я думаю, что подарила его Тарасу паночка Олеся, которая очень любила Тараса и хотела стать его женой. Кисет шит из дорогих материалов. А Мария была из бедной семьи. Но пан Богдан не отдал Олеся за Тараса, сына из разорившейся дворянской семьи Слатвинских.

Лидия Михайловна горестно вздохнула.

— Конечно же, Олеся трудилась над кисетом долгими вечерами, стараясь сделать узор не только прекрасным, но и полным смысла: по центру — два белых голубя, уютно устроившихся на ветке с изумрудными листьями — символ любви и верности. Вокруг — мелкий цветочный орнамент из нежных розовых бутонов и синих васильков — на счастье и благополучие. Для изысканной вышивки использованы разноцветные шёлковые нити и россыпь мельчайшего бисера — он ловит свет и мерцает, будто утренняя роса на лепестках цветов.

Галя осторожно взяла кисет и заглянула внутрь.

— Ой, бабушка! И там так красиво! — восхищённо воскликнула она.

— Да, Галочка, — улыбнулась Лидия Михайловна. — Изнанка отделана мягкой хлопковой тканью — Олеся позаботилась, чтобы кисет было приятно держать в руках. Швы — идеально ровные, почти незаметные. А на самом дне, под тонкой подкладкой, скрывается потайной кармашек — в него девушка клала засушенный цветок лаванды или крошечный листок с молитвой. Шнурок сплетён вручную из тех же шёлковых нитей, что и вышивка — его концы украшены крошечными бисерными кисточками, которые так и просятся в руки.

— А что в нём хранили? — спросил Борис, его уже не покидало ощущение причастности к давней истории.

— Шили кисеты жёны и матери для мужей и сыновей, которые уходили на войну. В них вкладывали горсть земли, короткие послания с пожеланием или фотографией из дома. Так же кисет использовали как кошелёк для монет. Его привязывали на пояс, чтобы не потерять. Его считали оберегом: искренне верили, что подарок, созданный с чистыми помыслами, хранит человека от бед и невзгод. Поэтому Тарас и сохранил его. А теперь, когда мы знаем о кисете всё, возьмитесь за его уголки, закройте глаза и-и-и... в путь!

Глава 7. Поместье

Всё вокруг завертелось, закружилось... Галя и Боря не успели даже вскрикнуть, как оказались в незнакомом месте, окутанном благоуханием цветущей весны.

Стало жарко, ребятам пришлось расстегнуть куртки.

— Куда мы попали? Что происходит, — чуть не плача, воскликнула Галя.

— Не ной, раз решили путешествовать, значит, давай не будем паниковать, — успокоил сестру Боря.

— Это что, прошлое?!

— Думаю, да. Похоже... — Боря решил стать старшим. Хотя, на самом деле старшей двоюродной сестрой была Галя.

Оглядевшись, ребята увидели, что находятся на просёлочной дороге. Не сговариваясь, смело шагнули вперёд и оказались в конце позапрошлого века, в 1885 году.

Внезапно перед ними выросли кованые ворота, за ними виден огромный двор, со всех сторон окружённый высоким забором. Ребята подошли к будке. Там сидел сторож в тёмной форме, внимательно изучая незваных гостей.

— Эй, вы кто такие? — строго спросил он. — Сюда просто так не входят!

Но тут из-за угла забора показался местный мальчишка Гришка, который помогал отцу пасти скот.

— Да это же гости издалека! — весело воскликнул он. — Пусти их, дядько Иван, они хорошие!

Сторож нахмурился, но всё-таки кивнул:

— Ладно, проходите. Только без шалостей!

— Я Гришка, местный пастух. Ну-у-у, не совсем ещё пастух, отцу помогаю пасти коров да овец. А вы кто?

— Я Галя.

— А я Боря, двоюродный брат Гали.

— Как вас занесло сюда? — удивился Гришка.

— Путешествуем, — уклончиво ответила Галя, толкнув в бок Борю. Тот, видимо, хотел дать подробное объяснение всему происходящему.

Степан отворил калитку, и ребята вошли во двор. За воротами раскинулась широкая аллея, мощёная брусчаткой. По обеим сторонам тянулись пышные кусты жасмина и боярышника.

— Красота какая! — восхищённо выдохнула Галя.

В конце аллеи возвышался деревянный дом: два этажа, черепичная крыша, балкон с изящно вырезанными коваными перилами. В кадках на балконе цвели цветы.

— Вот это да! Настоящий дворец! — ахнул Боря. — Тут, наверное, комнат сто!

Гришка рассмеялся:

— Всего двадцать пять. Зато какие! В столовой стол на тридцать персон, а в гостиной — зеркало во всю стену! Я как глянул на себя, долго смеялся! Рожи корчил, кривлялся, а в зеркале всё было видно. Потом пан Богдан пришёл, взяшей вытолкал меня.

Гришка громко смеялся, а ребята, глядя на него, тоже вовсю веселились.

— А это что за сарай такой огромный? — показал пальцем Боря.

— Конюшня. Слышите, лошади ржут? Особенно один жеребец громкий. Дядько Петро его чистит, наверное. Не любит конь этого.

— Можно зайти посмотреть? — с надеждой спросил Боря.

— Конечно! — кивнул Гришка.

Ребята зашли в конюшню. В стойлах стояли породистые лошади — гнедые, вороные, рыжие. Усатый конюх Петро в кожаном фартуке тщательно чистил щёткой одного из жеребцов.

— Какой красавец! — восхитилась Галя.

Конюх Петро улыбнулся:

— Это Буран, любимец пана. Видали, какая грива?

— Ага! — выдохнула Галя. — А там что?

— Каретный сарай. На той карете пан Богдан с дочкой Олесей ездил в город на бал, — прошептал Гришка. — Говорят, внутри кареты бархатные сиденья и зеркала!

— Ух ты! Хоть бы одним глазком взглянуть!

— Туда нельзя, пан Богдан не разрешает. Пойдёмте в сад.

Слева от дома раскинулся сад. Яблони, груши, вишни — всё в цвету. Повсюду пестрели клумбы с пионами, лилиями и розами.

— А вон там, видите? — показал Гришка на холм. — Беседка! Оттуда весь двор как на ладони. Пан Богдан там по утрам чай разные пьёт. Иногда конфеты нам кидает. Я однажды штук пять поймал, сестре отдал.

Рядом с беседкой красовался фонтан с каменной статуей нимфы.

— Его включают только по праздникам, — пояснил Гришка. — Но если очень попросить садовника дядько Пимана, он может немного воды пустить. Хотите попробовать?

Галя и Боря радостно закивали. Гришка помчался к садовнику:

— Дядько Пиман, гости к нам приехали. Издалека. Пустите воду, пусть на это чудо посмотрят, — шепнул он Пиману на ухо.

И вот уже весёлые струи воды зажурчали, сверкая на солнце! Накупавшись в фонтане и погревшись на солнышке, ребята направились во двор для слуг.

За домом открылась другая часть двора. Здесь всё было проще, но гораздо живее:

— А вот наша хата, — показал Гришка на один из скромных домиков.

Галя замерла, словно вкопанная.

— Галя, ты чего? Пойдём, Гриша зовёт.

— Боря, я такой домик видела в книжке! Такие дома называют изба или хата, чаще всего их строили из глины с добавлением соломы, навоза и других материалов. Ещё они назывались мазанками, потому что стены обмазывали глиной, а потом белили снаружи и внутри. Крыши покрывали соломой или камышом. Я читала об этом.

— Ребята, ну что вы встали?

Ребята поспешили к избе. Она была небольшая, из трубы тонкой струйкой тянулся дым, и в воздухе витал аромат свежего хлеба. Ребята зашли в сени. Вдоль стен стояли лавки, на них — кадушки и другая домашняя утварь. Дальше вход в единственную комнату. Внутри было пусто. В это время все были заняты: кто в поле, кто на ферме, кто хлопотал по хозяйству.

Посреди комнаты стояла печь, занимая значительную её часть. Она располагалась у входных дверей. Было видно, что печь служила не только для обогрева и приготовления пищи, но и как место для отдыха — наверху печи, почти под потолком, за шторкой виднелась широкая лежанка. Перед ней — скамейка, чтобы удобнее было забраться на неё.

В переднем красном углу, висели иконы, украшенные вышитым рушником, и теплилась лампадка. В комнате был большой стол, а вдоль стен, покрытые лоскутными цветастыми одеялами, стояли лавки.

Галя поняла, что на лавках не только сидят, но и спят. Она шепнула об этом удивлённому Боре.

— Я про это читала. И бабушка рассказывала. Смотри, какой пол!

— Земляной?! — выдохнул Боря.

— Да, земляной. Его утрамбовали вместе с глиной. И половики какие красивые на полу.

Ребята не успели всё рассмотреть — Гришка уже отломил им по куску тёплого хлеба и позвал в сени, там достал из кадучки три солёных огурца и уже на улице угостил ими гостей.

С удовольствием съев угощение, ребята побежали к колодцу с журавлём. Ковш, висевший на нём, вытерт до блеска — видно, что им давно пользуются. Гришка ловко опустил ведро в колодец, набрал воды, зачерпнул ковшом и подал ребятам.

— Ого, ледяная вода! — воскликнул Боря. — Вкусная какая.

— И чистая, аж искрится на солнце, — восхищались ребята, заглядывая в глубокий сруб колодца.

— Страшно как!

— Галя, смотри, внизу звёзды! — громко сообщил Боря.

Гришка смотрел на ребят и удивлялся — чему там восхищаться. Он это каждый день видит.

Из соседней избы вышла кухарка Параська с корзиной пирожков.

— Ой, какие славные ребятки! — улыбнулась она. — Хотите пирожков? Только что из печи!

Ребята радостно согласились. Пирожки с яблоками и тыквой были тёплыми и ароматными.

Вслед за Параськой выбежал мальчишка лет девяти:

— Эй, привет! Вы кто такие?

— Это наши гости, Степанко. Давай, покажем им, где в прошлом году работники спрятали от пана Богдана большую корзину яблок!

Галя и Боря помчались с хлопцами мимо конюшни, обогнули амбар, нырнули в сад... И вот уже двор пана Богдана казался не строгим поместьем, а огромной игровой площадкой, полной тайн и приключений!

Целый день ребята провели во дворе пана Богдана — увидели его роскошь, познакомились с обитателями и даже почувствовали себя частью этого старинного мира.

А вечером Гришка и Степанко рассказывали разные истории.

— А что вы знаете про Тараса? — спросила Галя. — Есть у вас такой человек?

— Тарас, сын Василя Слатвинского? Конечно есть! Это самый сильный и уважаемый человек в наших краях.

Глава 8. Пан Богдан

Пан Богдан Вишневецкий считал себя благодетелем, потому что «даёт кров и хлеб» тем, кто иначе бы сгинул. Каждое утро, подобно владыке, обзревающему свои владения, пан выходил на балкон и, словно хозяин жизни, наблюдал за суетой села. Его усадьба кишела прислугой: повар, два лакея, конюх, садовник и горничная — все двигались на цыпочках, боясь ненароком привлечь его гневный взгляд.

По утрам, ступая на крыльцо, пан Богдан, если видел работников, толпящихся у колодца, надменно вопрошал:

— Эй, бездельники! Опять прохлаждаетесь? Думаете, я не вижу, как вы от работы увильваете? Лентяи! Без меня вы бы все с голоду передохли!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.